

Гаджиева Наргиля Азадиевна, Мунчаева Аминат Ахмедовна, Ярова Ярханум Ризаевна
СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА "ВРЕМЯ" В ИДИОСТИЛЕ А. Г. АГАЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕЗГИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ)

Исследование посвящено анализу и характеристике авторской идиостилистической специфики отображения концепта "время" в художественной прозе, на материале произведений А. Г. Агаева на лезгинском языке. Авторами проводится анализ определенных темпоральных представлений и идей, значимых в национальной картине мира лезгинского языка, специфика их актуализации в художественной прозе А. Агаева, выявляется и характеризуется лексика времяобозначения, семантическая классификация которой совпадает со смысловым членением концепта "время", выделяются ассоциативно-семантические поля, образующие концепт "время" в лезгинском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 79-82. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.35

Исследование посвящено анализу и характеристике авторской идиостилистической специфики отображения концепта «время» в художественной прозе, на материале произведений А. Г. Агаева на лезгинском языке. Авторами проводится анализ определенных темпоральных представлений и идей, значимых в национальной картине мира лезгинского языка, специфика их актуализации в художественной прозе А. Агаева, выявляется и характеризуется лексика времяобозначения, семантическая классификация которой совпадает со смысловым членением концепта «время», выделяются ассоциативно-семантические поля, образующие концепт «время» в лезгинском языке.

Ключевые слова и фразы: языковая картина мира; национальная картина мира; лингвокультурология; идиостиль; концепт «время»; темпоральная лексика; ассоциативно-семантическое поле.

Гаджиева Наргиля Азидиевна, к. филол. н.

Мунчаева Аминат Ахмедовна, к. филол. н.

Ярова Ярханум Ризаевна, к. филол. н.

Дагестанский государственный педагогический университет

Gadzhieva_nargilya@mail.ru

СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В ИДИОСТИЛЕ А. Г. АГАЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕЗГИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ)

Категория времени является одной из фундаментальных и самых универсальных философских категорий. Концепт «Время» относится к базовым универсальным культурным концептам, созданным человеком для соответствия норме всей его жизнедеятельности.

Анализ специфики отражения концепта «время» в языковой картине мира имеет большое значение для общего понимания мировосприятия и мироощущения человека. Особый интерес в этом плане представляет анализ художественной прозы, так как позволяет охарактеризовать как специфику языковой национальной картины мира, так и индивидуального языкового стиля автора.

Все концепции времени, зафиксированные в истории философии, можно разделить на две группы. В одних случаях наблюдается попытка объективного отражения природного времени, которое относится к сфере существующего вне зависимости от нас внешнего мира (концептуальное время). В других определениях говорится об отражении реального времени в чувственном восприятии субъекта (перцептуальное время). Разграничение этих двух способов осознания феномена времени можно найти у многих исследователей [3, с. 48] и др.

Таким образом, концепт *время* – это многомерное ментальное образование, отражающее разные способы постижения природы времени человеком: путем приписывания ему реальных или вымышленных свойств, сопоставления с другими предметами и явлениями действительности, выражения своего отношения к нему [2, с. 35].

В данном исследовании делается попытка охарактеризовать специфику отображения концепта «время» средствами лезгинского языка в индивидуальном авторском стиле. Выявляется ряд темпоральных представлений и идей, значимых в художественной прозе А. Агаева, анализируется лексика времяобозначения, семантическая классификация которой совпадает со смысловым членением концепта «время».

Пакаман сегьер яз, и вахтунда мукьув гвай тамун кьудухъай кьилел ялав алаз, элкьвей межмя хьиз, яруни хьити рагъ экъечIна. Ам акъван зурбаз хьитIкьинна хьи, ада гьасятда кьуд пад нишгьлаван авуна [1, с. 5]. / «Было **раннее утро, и в это время** из-за ближнего леса с сиянием показалось круглое красно-желтое солнце» (здесь и далее перевод авторов – Н. Г., А. М., Я. Я.).

Здесь символом раннего утра является восход солнца. Сила, яркость, экспрессивность того, как автор отображает восход, сам факт того, что именно изображением восходящего солнца начинается роман, символически называющийся «Расколотое солнце», говорит о том значении, которое автор придает этому времени суток и этому природному явлению. Восход солнца является не только символом начала дня, но и символом начала вообще.

Актуализации концепта «время» в идиостиле А. Агаева характерны следующие особенности, говорящие об индивидуальном восприятии данной философской категории.

1. Уделение большого внимания точности указания конкретной даты:

Ада ина вад йисуз институтдани Келнай, шегьер адаз хъсан чидай [Там же, с. 8]. / «Он здесь **пять лет** учился в институте и хорошо знал город».

Здесь точное указание временного периода (*вад йисуз* / «пять лет») подчеркивает длительность и в связи с этим, значимость этого периода для действующего лица.

Министерстводив агакьдалди са тIимил мензил амай, – «Салмур патан емишар» трестдин идарачи, риклел са вуч ятIани хтанваз, алай чкадал акъвазна. Гъилихъ галай, шаз министрди хъ галаз санал Япо-ниядиз фейи вахтунда, гъанай маса кьачур сятдиз килигна. ЦIусад жедалди цIувад декьикьа амай. Министрди ам сятдин цIикьведаз гуьзет ийизвай. Телда кхъенвай: «Салмур патан емишар» трестдин идарачи юлдаш Беговаз. 23-майди заз вун акуна кланзава. Нисинин цIикьведаз гуьзлемшизава. Министр [1, с. 23]. / «Немного не дойдя до министерства, сотрудник треста “Фрукты Салмурского края”, что-то вспомнив,

остановился на месте. Посмотрел на часы на руке, купленные во время **прошлогодней** поездки в Японию с министром. Было **без пятнадцати одиннадцать**. Министр ждал его в **двенадцать часов**. В телеграмме было написано: Сотруднику треста “Фрукты Салмурского края” товарищу Бегову. **23 мая** приезжайте. Жду в **двенадцать часов дня**».

Пунктуальность и щепетильность в указании дат говорит о значимости времени для писателя. Стремительность происходящих событий в настоящем и их значимость для героя символизируют точные временные обозначения (**23 майдиз** / «23 мая»; **нисинин цликъведаз** / «в двенадцать часов дня»; **цЛусад жедалди цЛувад декъикъа амай** / «без пятнадцати одиннадцать»).

2. Переносное, часто метафоричное употребление временных обозначений, время для героев течет в ином измерении, нежели для всех остальных:

Вичин гафар пачагъ девирдин генералдин хтудди гьерекатна тестикъарна [Там же, с. 11]. / «Свои слова внук генерала **царского времени** поспешил подтвердить». Здесь фразеологическое словосочетание **пачагъ девир** / «царское время», обозначая минувший век, подчеркивает характер героя, его претензии на аристократизм и значимость.

Рагъ гъеле имаратрин чина авай шуьшедал къугъвазмай [Там же, с. 6]. / «Солнце еще играло на стеклах зданий (было еще утро)». Как уже было отмечено, восход солнца – символ утра, символ начала, и указание на то, что солнечные лучи еще играют на стеклах, указывает на начало дня, настраивает на ожидание основного действия.

Чи буба, министр, куьн сагърай, заманадикай хабар авай кас тир. Инкълаб гъалиб хъанмазди, ам цлийи гъужуматдин патаз атана. Гъатта Яру аскерриз, партизанриз еке куьмекарни авуна ада [Там же, с. 112]. / «Мой отец, министр, будь здоров, был осведомлен **о веке**. Как только революция победила, он перешел на сторону нового государства. Даже красным партизанам много помогал». Здесь лексема **замана** / «век» обозначает не хронологический отрезок времени, не длительность, а напротив, сиюминутность, соответствие тенденциям.

Мадни хъсан ман, – лагъана Бегова. – Министр авачир вахт я, кабинетдин ракни ахъазва. Адан чка къуртла жеда [Там же, с. 23]. / «Еще лучше, – сказал Бегов. – **Время**, когда министра нет, дверь в кабинет тоже открыта. Можно занять его место».

Такие метафоры, как **пачагъдин девир** / «эпоха царя», **пакаман сегьер** / «предраассветный час», **йифен къулар** / «середина ночи» отмечают не хронологическое линейное время, а время именно этих людей и именно в этом восприятии. Писатель, используя для актуализации концепта «время» такие лексеммы, как **час, время, сегодня, завтра** – подчеркивает их условный и относительный характер как для каждой эпохи и местности, так и для каждого индивидуума.

3. Образное обозначение временных отрезков:

Актуализацию концепта «время» сопровождает и использование изобразительно-выразительных средств языка, таких приемов, как метафоризация, гиперболизация, олицетворение, метонимия.

Эхирни, йиф гелни галамачиз, цава црай булут хъиз, квахъна фена, адан чкадал къурпе аялди хъиз, хъвер ийизвай, къуд патта экв гъатнавай югъ атана [Там же, с. 73]. / «Наконец, ночь без следа, словно растаявшее в небе облако, ушла, на ее место как **новорожденный ребенок, смеющийся и сияющий**, пришел день».

Здесь, день и ночь, словно живые существа, действующие и вызывающие действия:

Я югъ! Чан югъ, вун атуь, рагъ атуь! Вун азиз адахли хъиз ширин я! Йифиз дарих хъайи гуьгуьул вуна ачух хъийида! Няниз татай акъул вуна пакамахъ гъида! Йикъакай азгъунвални гъарамзадавал, йифен ничхирар хъиз, катда [Там же, с. 56]. / «**О день!** Ты пришел и солнце пришло! Ты сладкий как любимый человек! Угнетенное ночью настроение ты раскрываешь! Утром ты даешь разум, которого не было вечером! **Ото дня** бегут свирепость и алчность, как ночные хищники».

Довольно часто в прозе А. Агаева встречается противопоставление временных отрезков – противопоставляются день и ночь, лето и зима, утро и вечер:

Югъ тахванайтла, са куьнални чан къведачир. Инсанри хъиз, тарарини, набататрини, гъайван-майвандини юкъуз гзаф гьерекат ийида. Йифиз вилер акъалнавай цуькверини юкъуз атирар гъасилда [Там же, с. 57]. / «Если бы не было **дня**, не было бы жизни. И люди, и деревья, и животные, и растения оживают днем. Даже спящие **ночью** растения днем источают аромат».

Часто у Агаева время ассоциируется с природными вехами – подобно тому, как утро – символ начала, ночь – символ тревоги, день – символ расцвета.

Понятие «время» в лезгинском языке реализуется посредством лексем, отражающих хронологические, линейные отрезки времени: **йис** / год, **югъ** / день, **замана** / эпоха, **гад** / лето, **къуд** / зима, **пакама** / утро, **нисини** / полдень, **няни** / вечер, **йиф** / ночь, **сят** / час, **декъикъа** / секунда, **гъафте** / неделя, **варз** / месяц, **пака** / завтра, **накъ** / вчера, **муькуь югъ** / послезавтра, **йикъан-йикъан** / ежедневно (день ото дня).

Иногда временные отрезки обозначаются при помощи сложных синтаксических конструкций, повторов и т.п.:

Йикъар-йифер акъатна, мад са ван чкъана [Там же, с. 134]. / «**Дни-ночи** прошли, разошелся новый слух». Здесь сочетание **йикъар-йифер** / «дни-ночи» обозначает протяженность во времени, время неопределенное и носит фразеологический характер.

Анализ лексико-семантических средств актуализации концепта «Время» в прозе А. Агаева позволил выделить три ассоциативно-семантических поля концепта «время»: «настоящее время», «прошлое время», «будущее время».

Следует отметить, что поля «прошедшее время» и «настоящее время» имеют бóльшую значимость в анализируемом произведении. Поле «будущее время» актуализуется крайне редко, так как в период написания писателя остро волновала текущая жизнь, перемежаемая непрерывным анализом прошлого.

Ассоциативно-семантическое поле «**настоящее время**» отражает идею «здесь и сейчас», а также «вечно».

К основным средствам актуализации идеи настоящего времени относятся непосредственно указания на текущий момент:

И арада, хабарни авачиз, таксидин лишанар алай машин зарб кваз атана, адахъ элкъвена, лупІна акъвазна [Там же, с. 165]. / «**В это время**, незаметно и быстро подъехала и остановилась машина со знаком такси».

Иниз атай береда мугъманди вич, булахдин къвалав яргъи хъана, кефинаваз гъисс ийидай [Там же, с. 123]. / «**В то время** как оказывался здесь, гость чувствовал себя так, будто отдыхал, расслабившись, на берегу родника».

Гъа и арада, тадиз рак ахъайна, къецелай кабинетдин къенез шалман хътин, яргъи са дишегъли гъахъна [Там же, с. 96]. / «**В этот момент**, стремительно открыв дверь, в кабинет вошла длинная, как столб, женщина».

Характерно указание настоящего времени «по умолчанию», или употреблением глаголов в форме настоящего времени:

За ваз гъукуматди исятда чаз цІийиз ганвай къуллугъ теклифзава [Там же, с. 17]. / «**Я предлагаю** тебе должность, которая только сейчас выделена».

Настоящее время выражается и контекстуально:

Нагагъ аматІа, адан къанни ругуд йис жеда. Лап жегъил, чина ранг, кІваче-гъиле къуват авай вахт я [Там же, с. 89]. / «Если жив, ему двадцать шесть лет. Самое молодое сильное время».

Семантическое поле «**прошлое время**» отражает представление о том, что жизнь имеет начало и конец. На это указывают различные лексико-семантические и стилистические средства: непосредственное указание прошедшего времени, употребление глаголов в форме прошедшего времени, контекст.

Так, например, прошлое выражается лексемами, обозначающими временные отрезки прошлого (*вчера, прошлой ночью, сегодня, под вечер*), глаголами в прошедшем времени, контекстуально:

Им са агъзур йисан вилик хъайи кІвалах я. Исятдани муъракъарив чеб агъаяр хъайибур я лугъуз дамахар гва. Абуру чеб михъи халкъ яз гъисабзава [Там же, с. 78]. / «**Это было тысячу лет назад**. И сейчас они гордятся тем, что управляли страной. Они считают себя чистым народом».

...Гзаф вахтар вилик лап дегъзаманада хъана къван, хъанач къван са жегъил итимни са жегъил дишегъли [Там же, с. 83]. / «**Много времени назад, в древности**, были или не были один молодой мужчина и одна молодая женщина».

Ада трестда кІвалахиз цІусад йис хъанвай. Гъич тахъайтІа, йиса къве сефер ам министерстводиз къвезвай, мукъвал-мукъвал ам министрдихъ галазни гуръушимши жезвай [Там же, с. 34]. / «Он в тресте работал уже одиннадцать лет. Минимум дважды в год он приезжал в министерство, часто **встречался** с министром».

Иногда, в связи с отсутствием в лезгинском языке лексем и выражений, способных в полной мере отразить требуемый смысл, автор прибегает к использованию калькирования фразеологизмов, фразеологических сочетаний или просто словосочетаний на лезгинский язык, что приводит к появлению нехарактерных для лезгинского языка синтаксических конструкций:

– *Чи ара я, Къазибегдини малла Вагъаба инкъилабдин вахунда риракъар, чпин аксина экъечІна лагъана, гзаф телефна* [Там же, с. 121]. / «– Между нами говоря, Казибег и мулла Вагаб в **революционное время** немало рирагцев истребили, за то, что пошли против них».

Семантическое подполе «**будущее время**» представляет собой воплощение идеи «завтра»:

– *Чида. Чна и месэла гъялна куътягънава. Заз вахт авач. Пака нянихъ элкъвена хъфида. Меркезда зун гъузетзава* [Там же, с. 37]. / «– Знаю. Мы эту проблему решили. Завтра вечером **уеду** обратно. В столице меня **ждут**».

Ингъе сад-зур йисалай хъиз, амайбур къведай йисуз чап ийида. Шак къвемир. Амма журнал къелечІди я. Макъалаяр гзаф ава [Там же, с. 167]... / «Вот через полгода примерно, остальные **в следующем году** напечатает. Не сомневайся. Журнал тонкий. Статей много...».

Отметим, что в прозе Агаева прямых номинаций или обозначений будущего немного.

Таким образом, исследование специфики отображения концепта «время» в идиостиле А. Г. Агаева на материале его художественной прозы позволяет сделать следующие выводы.

Концепт «время», являясь одним из базовых концептов в языковой картине мира человека, включает в себя и философскую категорию «время» с ее символичностью, и языковые средства ее выражения, и индивидуально-авторскую специфику ее понимания и актуализации.

Для отображения автором концепта «время» характерны высокая степень образности, метафоричности при употреблении темпоральных понятий, символичность, присущая авторскому пониманию временных обозначений.

Список литературы

1. Агаев А. Г. Расколотое солнце: роман. Махачкала: Дагест. книж. изд-во, 1993. 264 с.
2. Сугаева Р. И. Лингвокультурологический анализ концепта «Время» (на материале аварского и русского языков): дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2007. 142 с.
3. Хайдегер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

**MEANS OF ACTUALIZATION OF CONCEPT "TIME" IN A. G. AGAYEV'S IDIOSTYLE
(BY THE MATERIAL OF THE LEZGIN-LANGUAGE PROSE)**

Gadzhieva Nargilya Azadievna, Ph. D. in Philology
Munchaeva Aminat Akhmedovna, Ph. D. in Philology
Yarova Yarkhanum Rizaevna, Ph. D. in Philology
Dagestan State Pedagogical University
Gadzhieva_nargilya@mail.ru

The paper is devoted to the analysis and characteristic of the author's idiosyncrasy of the representation of the concept "time" in prose by the material of A. G. Agayev's works in the Lezgin language. The researchers analyze certain temporal conceptions and ideas that are relevant in the national worldview of the Lezgin language, the specificity of their actualization in A. Agayev's prose, reveal and characterize the vocabulary of time denotation, the semantic classification of which coincides with the semantic articulation of the concept "time", and highlight the associative-semantic fields forming the concept "time" in the Lezgin language.

Key words and phrases: linguistic worldview; national worldview; cultural linguistics; idiosyncrasy; concept "time"; temporal vocabulary; associative-semantic field.

УДК 801.7

В статье изучаются категории семантического пространства и семантического поля, рассматривается вопрос о соотношении и разграничении данных лингвистических категорий. Термином «семантическое поле» оперирует лингвистика, к категории «семантическое пространство» обращаются как лингвистика, так и философия, физика, психолингвистика. В лингвистике эти две категории соотносятся как «часть – целое», т.е. семантическое поле является родовым понятием по отношению к семантическому пространству в связи с формированием семантических полей в рамках семантического пространства.

Ключевые слова и фразы: лингвистическая категория; семантическое пространство; семантическое поле; соотношение лингвистических категорий; область применения понятий.

Головина Елена Викторовна, к. филол. н.
Оренбургский государственный университет
Gol114@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ КАТЕГОРИЙ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ**

Цель заявленной статьи состоит в рассмотрении и разграничении категорий семантического пространства и семантического поля с точки зрения их функционирования в различных областях науки.

Понятия «семантическое поле» и «семантическое пространство» появились в науке в начале XX века практически одновременно. При этом категория «семантическое пространство» рассматривалась в первую очередь как основная составляющая метода семантического дифференциала в психолингвистике, затем как философская категория и как физическая величина.

В 1955 г. группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом был разработан метод семантического дифференциала, «с помощью которого исследовались семантические пространства индивида. Любой объект, явление или чувство, воспринимаемые субъектом, вызывает у него различные реакции, которые достаточно успешно можно определить с помощью методов семантического дифференциала. Этот метод позволяет увидеть тот образ, который возникает в сознании реципиента при оценке какого-либо объекта. То есть первоначально термин "семантическое пространство" возникает в связи с использованием метода семантического дифференциала в практической психологии» [11, с. 280].

Семантическое пространство определяется в Энциклопедии эпистемологии и философии науки как «некий метаязык, с помощью которого описываются значения, позволяющие разложить их содержание в определенной последовательности категорий-факторов и сопоставлять их, вычисляя расстояние между соответствующими значениям координатными точками в пространстве» [6, с. 154].

Затем термин «семантическое пространство» применил философ Д. Бом в своей теории «голодвижения» / *holomovement* во второй половине XX в., суть которой заключается в том, что в каждом пространственно-временном отрезке мира отражается вся вселенная, её прошлое, настоящее и будущее. Так же, как в голограмме, где каждая часть содержит информацию о целом отраженном объекте, каждый участок воспринимаемого нами мира содержит в себе полную информацию о структуре вселенной или целого мира [2].

«В России идеи Д. Бома развивал математик и философ В. В. Налимов, который явился сторонником идеи использования математических методов в изучении языка. Сознание человека, по мысли В. В. Налимова, это некий механизм, оперирующий смыслами. Эти смыслы существуют в семантическом пространстве, где они